

многолик, выступая одновременно и как знакомый топос, где проходит их повседневная жизнь, и как незнакомый топос, таящий в себе угрозу. То же можно сказать и о топосах поселков Эссо, Паланы и тундры, в которой персонажи романа оказываются в тот или иной момент повествования. Значимо, что через поступки и мысли героев своего произведения Дж. Филлипс изображает системы ценностей разных поколений: представители одного из них, подобно Валентине Николаевне, выросли, сформировались и долгое время жили в Советском Союзе, когда Камчатка была местом, закрытым для посторонних. Другие, как Екатерина, Оксана и Марина Голосовская застали еще советскую эпоху, но росли уже в постсоветские времена, когда многое менялось. Система ценностей третьих, среди которых подросток Ольга и сестры Голосовские, во многом находится еще в стадии активного формирования, проходящего в сложных и неоднозначных условиях социально-политических перемен и ценностных трансформаций.

Список использованной литературы

1. Лукьянова, М. И., Данилов, С. В. Аксиологическая модель современного образования / М. И. Лукьянова, С. В. Данилов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6: Педагогические науки // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15348> (дата обращения: 17.11.2023).
2. Ценностная картина мира англоязычного социума / под общ. ред. Е. Г. Хомяковой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 204 с.
3. Филлипс, Дж. Исчезающая земля / пер. с англ. П. Кузнецовой / Дж. Филлипс. – М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021 // http://loveread.ec/read_book.php?id=90997&p=1. – Дата доступа: 10.10.2023.
4. Таланов, В. М. Общечеловеческие ценности: моногр. / В. М. Таланов // URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=97> (дата обращения: 17.11.2024).

В. Г. Минина

ОБРАЗ ИММИГРАНТА В РОМАНЕ С. ФОЛКСА «НЕДЕЛЯ В ДЕКАБРЕ»

Тема иммигрантов интересует современных британских писателей еще с конца прошлого столетия, но в данный момент она проходит определенную стадию трансформации. Сначала это были романы об иммигрантах первого поколения, которые пытались прижиться на новом месте, но генетически принадлежали еще своей старой родине – либо

любя ее, либо ненавидя. Размышляя о феномене детерриторизации, Ж. Делёз и Ф. Гваттарри пишут о том, что вырванный из родной почвы человек всегда стремится врасти в новую почву, найти для себя новые корни, поскольку состояние «безместности» неестественно [1, р. 47]. С. Вайль с редкой лаконичностью сформулировала проблему иммигранта: *«Иметь корни, – это, возможно, наиболее важная и наименее осознанная из потребностей человеческой души»* [цит. по 2, с. 258]. Без чувства принадлежности к расе, нации, культуре все, по словам героя романа К. Исигуро «Когда мы были сиротами» (*«When We Were Orphans»*, 2001) детектива Бэнкса, может рассыпаться, словно жалюзи без ниточек [3, р. 80]. Исследователь культурного «пограничья» А. Моралес считает, что понятие гетеротопии, введенное М. Фуко, объясняет пограничную культуру, ибо *«жизнь в постоянном хаосе гетеротопии – это вновь и вновь повторяющийся акт самоопределения, постепенно и окончательно детерриторизирующий человеческую личность»* [4, р. 18].

К примеру, Тимоти Мо в романе «Кисло-сладкий соус» (*«Sour Sweet»*, 1982) повествует о стремлении *«китайцев, живущих в Лондоне, существовать почти в полной изоляции от английской культурной жизни, окружающей их»* [5, р. 98], роман Ханифа Курейши «Будда из пригорода» (*«The Buddha of Suburbia»*, 1990) сосредоточен на проблеме национальной гибридизации, о чем свидетельствуют уже первые строки произведения *«Зовут меня Карим Эмир, и я англичанин по происхождению и по крови. Почти. Зачастую меня принимают за англичанина нового типа, эдакий забавный гибрид двух древних культур. Но мне плевать, я англичанин, хоть и не горжусь этим»* [цит. по 5, р. 94], положение иммигранта является одной из важных тем «Сатанинских стихов» (*«The Satanic Verses»*, 1988) Салмана Рушди, в творчестве выходца из Тринидада и Тобаго, этнического индийца В.С. Найпола преобладает реакция отторжения от Индии («Территория тьмы» (*«An Area of Darkness»*, 1964)), в другом же романе «Полужизнь» (*«Half a Life»*, 2001) показан процесс формирования мигранта, который нигде не чувствует себя дома.

Впоследствии стали появляться произведения о потомках иммигрантов (детях, внуках), которые частично или полностью ассимилировали и стали типичными представителями мультикультурного британского общества – например, роман «Белые зубы» (*«White Teeth»*, 2000) Зэди Смит. Далее идет очередной виток в развитии иммигрантской темы: авторы начинают писать о возврате

некоторых иммигрантов к корням, к истокам, что являет собой очередной поиск своей идентичности. Ярким доказательством этому феномену служит роман современного британского прозаика С. Фолкса (*Sebastian Faulks, b. 1953*) «Неделя в декабре» (*A Week in December*, 2009).

Иммигранты предстают в романе в нескольких «ипостасях». Первое упоминание о них идет уже на первых страницах: *«родители девочки-мусульманки из Лестера судились с местными органами образования, не позволявшими их дочери носить в школе традиционную одежду»* [6]. Вот как иммигранты представлены в списке гостей на званом ужине, ставшем своеобразным стержнем романа: *«Фарук и Назима аль-Рашид. Софи пососала кончик карандаша. Фарук был магнатом – главным в стране производителем приправы чатни – и крупным частным жертвователем партии. Человек вроде бы довольно симпатичный. Однако оба они были «занудами во Аллахе» <...> и карандашом пометила на плане: винных бокалов перед ними не ставить»* [6]. Иммигранты в произведении: и богатые промышленники, и бедные продавцы газет, и главные, и второстепенные герои – все они неотъемлемая часть британского общества.

Но есть в романе и другой иммигрант, скорее, потомок оного. Поздним вечером в последнем вагоне поезда, когда все остальные герои романа заняты своими повседневными делами, едет Хасан аль-Рашид – однако его дело отнюдь не тривиальное – он направляется за составными частями бомбы. Так сразу с первых страниц романа читатель XXI века понимает, что готовится террористический акт. А один из его исполнителей либо подготовителей спокойно едет в вагоне, сидит как ни в чем не бывало, словно отправился в соседнюю булочную. И тут автор позволяет читателю взглянуть на мир глазами Хасана, понять, почему он решился на такой шаг: *«А слева от Хасана стояли у центральных дверей вагона туристы из Японии и Европы. Сегодня воскресенье, думал Хасан, большинству этих людей следует быть в церкви, однако в наши дни христиане видят в храмах лишь памятники или произведения искусства, архитектурой и росписью которых положено любоваться, но не место, где они могли бы поклоняться Богу. Окончательная утрата веры произошла у них в десять с чем-то последних лет и даже в мире кафиров [у мусульман – человек другой веры – В.М.] оказалась почти незамеченной. Какие они все-таки странные, думал Хасан, эти люди, позволяющие жизни вечной ускользать из их рук»* [6].

Вспоминая былые времена, до того как он обратился в Ислам, Хасан

думает: *«Там, где он вырос, в Глазго, христиане (в то время Хасан еще не взял на вооружение слово «кафир») богохульствовали, пьянствовали и прелюбодействовали, однако он знал, что в большинстве своем они еще оставались людьми более или менее верующими. Они нарушали в номерах отелей брачные обеты, но все же заключали браки в церквях. Они приходили в церковь на Рождество или когда хоронили друзей, они приносили туда детей, чтобы дать им имя, а умирая, по-прежнему посылали за священником. Теперь же в газетных обзорах можно прочитать статистические данные, которые подтверждают то, что известно всем и без них: люди отступились от Бога. И вряд ли хотя бы один кафир заметил это»* [6]. Это состояние современного общества Хасан называет спячкой – словно люди впали в забытие, забыли о самом главном. И их нужно разбудить, им нужна некая встряска, чтобы они пробудились от своего «безбожного» сна.

В романе на примере Хасана мир западный – читай христианский (порочный и разгульный, как видит его Хасан) – противопоставляется миру мусульманскому. Все люди современной ему Британии, за редким исключением, представляются ему заблудшими. *«Он не мог понять, почему они уделяют так мало внимания своему спасению; это озадачивало его так же, как озадачила бы мать, кормящая младенца из бутылочки с виски. Быть может, это и дает некие недолговечные выгоды – небольшую передышку от плача, – однако разумный человек вряд ли соблазнился бы ими. И ведь истину жизни, в том числе и жизни загробной, никак не назовешь совершенно скрытой от их глаз, – говорит юноша»* [6].

Если герой романа Х. Курейши «Будда из пригорода» ведет разгульную жизнь, приобщаясь ко всем благам западной цивилизации, то Хасан считает подобную жизнь пороком, недостойным правоверного мусульманина. Возомнив себя избранным и истинным, он жаждет очистить мир от скверны, заставить людей задуматься. А может и наказать? Его старинная знакомая говорит о нем: *Ах, глупый, глупый мальчик* [6]. Он же себя таковым не считает и проходит долгий путь – от покупки частей бомбы, подготовки к теракту, дороги смерти к месту взрыва – прежде чем осознает, насколько эти слова были верны. В конце романа, когда Хасан понимает всю неправоту своих «исламистских» усилий, автор обрисовывает эпизод избавления от радикального прошлого, символом которого выступает рюкзак с элементами бомбы: *«Он отступил на шаг, посмотрел направо, потом налево, дабы убедиться, что никто за ним не наблюдает. А затем обеими руками*

оттолкнул от себя рюкзак, решительно и окончательно. Мгновение спустя он услышал всплеск и представил, как рюкзак уходит в темную, все прощающую воду Темзы. Никакие взрывы не возмутили ее течения» [6].

Однако не мудрено, что на протяжении определенного времени Хасан придерживается радикальных взглядов. Он становится членом экстремистской организации – Коалиции мусульманской молодежи. Все та же знакомая отзывается о Хасане: *«она различила человека, получившего когда-то глубокую рану. Сочетание это озадачило и заинтриговало ее, а то, что Хасан и близко к себе никого не подпускал, навело Шахлу на мысль о присущей ему боязни чего-то» [6].* Именно таких внутренне травмированных, сломленных и жаждущих справедливости людей и подыскивают экстремисты. Хасана постепенно вовлекают в исламскую террористическую сеть. Духовный лидер Коалиции Салим – опытный вербовщик и умелый манипулятор, который как змей искуситель, подстрекает молодежь, говорит ей, казалось бы, правильные слова, обещает вечное спасение, счастье и наслаждение, а сам остается в стороне, избегая оказаться на передовой. Он, например, считает, что для связи с членами ячейки обычная почта безопаснее электронной. Он наставляет своих подопечных: *«Вы можете просто послать ваше письмо в газету, результат будет тот же. Контрразведка перехватывает электронные письма, все до единого. Мало того, они могут установить по веб-сайтам, которые вы посещаете, ваш интернетовский адрес, номер вашего телефона, а затем и домашний адрес, так что, если кто-то из вас заходил на сайты джихадистов, самое лучшее – немедленно уничтожить жесткий диск. Если это означает, что вам придется обзавестись новым компьютером, пусть так. Деньги у меня найдутся» [6].* Салим также утверждает, продолжая зомбировать новобранцев: *«Любое знание чревато утечкой информации. Вам говорят только то, что вы должны знать, и ни слова больше» [6].* Он готовит безропотных исполнителей, ничего не оспаривающих и не подвергающих сомнению.

Хасан на самом деле выбрасывает старый компьютер, полностью уничтожив жесткий диск, и покупает новый, который по сути ему без надобности, но для того чтобы сбить со следа потенциальных полицейских при потенциальном обыске он заставляет себя время от времени заходить в Интернет. *«Новый компьютер, не замусоренный ни интернет-файлами, ни электронной почтой, неделю простоял нераспакованным. Хасану никак не удавалось найти ему правильное*

применение. В конце концов, он решил загрузить несколько песен, заглянуть в «МестоДляВас» [писательская пародия на социальные сети в духе «Facebook» – В.М.], вообще проделать то, что полагается проделывать людям молодым, – тогда, если к нему вдруг нагрянет полиция, она ничего подозрительного в его компьютере не усмотрит. «МестоДляВас» оказалось одним из скучнейших сайтов, какие Хасан когда-либо посещал. Сайт содержал миллионы фотографий улыбавшихся кафиров, чьи жизни были пусты настолько, что мысль о ком-то, «наткнувшемся» на их фотографию, наполняла этих людей радостью. Подумать только. Для Хасана было почти облегчением узнать, что основное практическое назначение сайта составлял секс; хоть какой-то прок, и на том спасибо: педофилы бродили по нему просто-напросто стадами, мальчишки подыскивали подходящих девиц для своих секс-вечеринок, кафиры постарше пытались найти «половых партнеров». Хасан заходил на сайт ежедневно и довольно быстро выходил, а между тем в его интернетовском послужном списке понемногу накапливались часы, проведенные им в этой пародии на человеческий мир» [6].

Описывая Салима, автор указывает: «Что у него было, так это деньги, поступающие, как сказал Хасану Салим, главным образом из Саудовской Аравии. Эта новость порадовала Хасана – то, что деньги приходят к ним из страны Мекки и Медины, придавало его новой ипостаси большую основательность. Путь, который прошел Хасан, – от мечети к молодежным организациям, каждая из которых оказывалась более экстремистской, чем ее предшественница, – был довольно типичным» [6].

Временами роман напоминает документальную хронику либо газетную статью – настолько все детально изложено и именно так, как мы часто и слышим на новостных каналах или читаем в газетах. С. Фолкс говорит о терроризме так и теми фразами, которые в XXI веке уже, к сожалению, стали клишированными: «Расходиться будем каждый в свое время, как и пришли, – сегодня с интервалом в двадцать минут. На улице ни с кем не разговаривайте, но и недружелюбия не проявляйте. Если кто-то попросит у вас зажигалку или поздоровается, просто улыбнитесь ни к чему не обязывающей улыбкой. И не делайте ничего, что может запомниться. А теперь каждый из вас должен представиться и выбрать себе кафирское имя, которым мы станем называть его с этой минуты» [6]. Это именно то, что мы знаем об исламизме, та картинка, которая у нас сложилась благодаря средствам

массовой информации. Британский журналист и писатель Марк Лосон задает риторический вопрос: *«Can – and should – a middle-aged white Anglican attempt to enter the mind of a would-be Islamist terrorist?»* [7]. На него должен ответить каждый читатель романа самостоятельно. Несомненно, каждый современный человек задавался вопросом: что толкает молодых людей на путь экстремизма, как это происходит, какова психология этих людей? С. Фолкс как человек, обеспокоенный судьбой общества, пытается детально в этом разобраться – он описывает внутреннее состояние молодых людей, причины их недовольства, мотивы, подталкивающие к кардинальной смене образа жизни; далее он говорит о так называемых «ловцах душ», которые зорким взглядом отыскивают подходящих новициатов и уже не выпускают их из своей сети; автор читает вместе с героями Коран, спорит с еще не обращенными; далее идет по следу будущих террористов-смертников, покупающих необходимые элементы для бомбы и собирающих ее; прислушивается к внутреннему состоянию убийцы, когда тот идет на смерть. Это кропотливая работа. Автор, словно психотерапевт, который пытается разобраться в душе своего пациента (именно пациента, потому что такие люди утрачивают связь с реальностью и действуют не по своей, а навязанной им воле). С. Фолкс – также и сыщик, тенью следующий за преступником и анализирующий каждый его шаг. Писатель не выносит оценочного суждения, не осуждает, не делит мир на черное и белое, а людей на своих и чужих – он, скорее, бесстрастный репортер и протоколист, фиксирующий каждую увиденную и услышанную деталь. Поэтому, по нашему мнению, писатель все-таки смог проникнуть в голову молодого исламиста и написать своеобразный *Buildungs roman* – роман о становлении исламиста.

Единственная, но весьма важная ремарка, которую С. Фолкс себе все же позволяет, это эпиграф, который задает определенный тон произведению: *«Если ты говоришь с Богом – это молитва. Если Бог говорит с тобой – это шизофрения. Доктор Томас Сац, психиатр, «Вторичный грех», 1973»* [6]. Эпиграф и концовка романа превращают его структуру в кольцевую. И в начале, и в конце автор говорит о голосе Бога. В конце романа, когда Хасан идет к месту взрыва и несет рюкзак с частями бомбы, его едва не сбивает велосипедист. Это гипотетическое столкновение становится проекцией того, что Хасан сейчас делает – идет на смерть. Автор показывает столкновение человека и реальной жизни, не придуманной, не идеализированной и не одобренной удачными цитатами из Корана. И тут герой впервые понимает, что он, оказывается,

боится смерти: «На секунду ему показалось, что сейчас он умрет. Тело уже не вернется к нормальной жизни; не восстановится прежний ритм» [6], что смерть реальна. Он словно пробуждается ото сна, на него снисходит озарение, тем самым этот эпизод с велосипедистом можно назвать эпифанией.

И тут снова идет размышление о голосе: «Он развернулся, облокотился о каменный парапет, сжал ладонями голову. Где же он? Где этот голос, голос Бога, который Пророк слышал в пустыне? Голос истины, спасения мира. Это ради него ему, Хасану, предстоит умереть. Ради него он должен убить. Только ради этого бесплотного голоса, и ничего другого, он должен найти вокзал, доехать до больницы и там убить людей. Как все это фантастично, смехотворно, нелепо. <...> Он застонал, точно попавший в капкан волк, и внезапно в сознании его стало совершаться нечто странное. Он обнаружил, что удары сердца замедляются, что, пока оно отводит его от порога смерти, стихает и стон, что вопль, рвавшийся из его груди, постепенно преобразуется в нечто загадочное, неуправляемое и совершенно неожиданное, в нечто похожее на... да нет, это он самый и есть – смех. Хасан опустил на четвереньки и захохотал, потом перекатился на бок, сжался в комок, стараясь дать передышку растратившим весь бывший в них воздух легким [6]. Так он перестал быть радикальным исламистом».

Роман «Неделя в декабре» вызвал у читающей публики неоднозначную реакцию, но многие критики сходятся во мнении о том, что это произведение является не только «*a serious examination of Islam and the reasons for radicalism among young Muslims*» [8], но и «*state of the nation*» novel [9], «*the satirical slice through all social strata*» [7]. Благодаря своему размаху, панорамности картины и количеству героев и затрагиваемых тем роман часто сравнивают с диккенсовскими творениями. Это книга, которая «*appears to be aiming to catalogue the most urgent issues facing modern Britain*» [7]. М. Лосон утверждает, что «*an honest critic must surely conclude that Faulks has correctly identified the novel that needs to be written about these times, but may also have proved that British society is now so various that no single writer can capture all its aspects*» [7].

В свою очередь Д. Соар говорит, что «*then you read all the novel's minor incidents as features of its larger litany of complaints, the list of the really grave problems of the age includes laissez-faire capitalism, Islamic fundamentalism, and cyclists who ignore traffic signals. Also: skunk, reality TV, snarky literary critics, and secondary school teachers who can't spell. This*

isn't satire. It's the background noise of breakfast radio, the endlessly repeated catalogue of modern ills, reassuring the nation's listeners and confirming them in their view that what gets their goat is – yes – deserving of urgent public notice. It, too, is a form of fantasy» [10].

С. Фолксу удалось очертить панораму современной Британии, не последнее место в ней занимают вопросы исламизации и радикализации.

Список использованных источников

1. Deleuze, G. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia* / G. Deleuze, F. Guattari / Trans. Robert Hurley, Mark Seem, and Helen Lane. – New York: Text, 1987. – 368 p.
2. Саид, Э. Мысли об изгнании / пер. С. Силаковой / Э. Саид // Иностранная литература. – 2003. – № 1. – С. 252–262.
3. Ishiguro, K. *When We Were Orphans* / K. Ishiguro. – London : Faber and faber, 2001. – 314 p.
4. Morales, A. *Dynamic Identities in Heterotopia* / A. Morales // *Fictional Past, Present, Future Perfect* / A. Morales. – Tempe, Arizona: Bilingual Review, 1996. – P. 14-27.
5. Connor, S. *The English Novel in History, 1950-1995* / S. Connor. – L. and N.Y.: Routledge, 2001. – 260 p.
6. Фолкс, С. Неделя в декабре / С. Фолкс [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.co/br/?b=149253> (дата обращения: 12.09.2023).
7. Lawson, M. *A Week in December by Sebastian Faulks* / M. Lawson [Electronic resource]. – URL: <http://www.theguardian.com/books/2009/sep/05/sebastian-faulks-novel-review> (дата обращения: 11.05.2016).
8. Cartwright, J. *A Week in December by Sebastian Faulks* / J. Cartwright [Electronic resource]. – URL: Mode of access: <http://www.theguardian.com/books/2009/aug/23/week-in-december-faulks> (дата обращения: 06.05.2023).
9. McDowell, L. *A Week in December, by Sebastian Faulks* / L. McDowell [Electronic resource]. – URL: Mode of access: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/a-week-in-december-by-sebastian-faulks-2067793.html> (дата обращения: 06.05.2023).
10. Soar, D. *Ravish Me* / D. Soar // *London Review of Books*. – 2009. – No. 21. [Electronic resource]. – URL: <http://www.lrb.co.uk/v31/n21/daniel-soar/ravish-me> (дата обращения: 11.05.2016).

Н. А. Развадовская,

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МАЛОЙ ПРОЗЫ БЕРНАРДА МАЛАМУДА

Лауреат Пулитцеровской премии Бернард Маламуд (*Bernard Malamud, 1914 – 1986*) относится к числу одних из авторитетнейших писателей